

В Санкт-Петербургском театре Комедии имени Н.П. Акимова давали Мольера. Премьерный показ «Мещанина во дворянстве» вызвал у автора этих строк неоднозначную реакцию.

Завзятые театралы знают, что смотреть лучше не самую премьеру, а примерно третий прогон нового спектакля, когда понятное волнение актёров уже улеглось, а мизансцены отточены, шероховатости отшлифованы и залакированы множеством повторений. Я попала на второе представление, повествующее о неудачной попытке господина Журдена выбиться из мещан в дворяне, дабы понравиться знатной маркизе, и – да, шероховатости были. Особенно в первой сцене, где учитель музыки (Денис Лукичёв) и учитель танцев (Ярослав Воронцов) вводят зрителя в собственно предложенную Мольером историю. Лукичёв, загримированный под молодого Моцарта, вёл свою тему тонко, несмотря на молодость (на театральных подмостках он недавно, с 2017 года). Воронцов, с его верным чувствованием роли, сам по себе тоже хорош, но вдвоём они органичного дуэта не составили. Хочется верить, явление это временное, однако на премьере актёры казались несыгранными: не всегда выдерживали нужный ритм, забывали фразы, и действие буксовало, так что из партера (а надо отметить, он был полон) и с полупустого балкона потянулись на выход отдельные зрители. А зря. Появление г-на Журдена в исполнении заслуженного артиста России Сергея Кузнецова мгновенно обволокло зрительный зал обаянием этого мастера сцены, и, наконец, спектакль покатился.

Шутливое облако ширилось и распушалось с явлением новых персонажей. Возлюбленная Журдена маркиза Доримена в испол-



нении Полины Воробьевой – в меру жеманна, весьма обаятельна и невероятно пластична. Влюблённый в маркизу граф Дорант (актёр Антон Падерин работает в театре Комедии с 2019 года) ведёт двойную игру: подыгрывая Журдену в его притязаниях на дворянство и – посредством желаемого титула – на Доримену, он ловко жонглирует словами, ухаживая за маркизой с помощью подарков Журдена. Ещё две любовные линии обра-

зуют Клеонт (Станислав Каблуков), взаимно влюблённый в дочь Журдена Люсиль (Арсения Бычкова), и двое слуг: служанка в доме Журдена Николь в блестящем исполнении Любови Виротайнен и слуга Клеонта Ковьель (Игорь Юдин). Последний заинтересован в свадьбе своего господина не меньше его самого: не будет брака Клеонта с Люсиль – не будет и пары Ковьель – Николь. Чтобы сломить сопротивление Журдена, не желающего выдавать дочь за молодого человека не дворянского происхождения, Клеонт с Ковьелем мастерски разыгрывают простоватого почитателя высоких титулов. Слуга Клеонта представляет своего переодетого господина как «сына турецкого султана», и обманутый Журден соглашается на брак дочери с таким-то вельможей.

К этому моменту спектакль докатился до апогея – сцены присвоения Журдену несуществующего турецкого титула «мамamuши». Сцена эта была наиболее живо воспринята зрителями, привыкшими проводить отпуска в солнечной Турции и знающими тамошние нравы. Восточные танцы, песни, летящая во все стороны блестящая мишура, лукавые глаза липовых турецкоподданных привели публику в настоящий восторг.

Сумятица закончилась к всеобщему удовольствию, все любящие пары соединились, и лишь Журден остался при своей преж-

ней супруге в исполнении заслуженной артистки России блистательной Ирины Цветковой. Надо отметить, что Сергей Кузнецов, ну, никак не походит на сумасбродного недалёкого Журдена, каким он выписан у Мольера. Слишком умён и обаятелен актёр, и этого не спрячешь ни за какими нелепыми нарядами, которые предлагает ему щедро награждаемый хитрый портной (заслуженный артист России Павел Исайкин). Наверное, именно обаянием актёра продиктовано решение финальной сцены, где главный герой возносится сквозь облака к картонному солнцу.

Кстати о нарядах. Дочь Журденов Люсиль носит такое вызывающе открытое спереди и снизу платье, что становится неловко за маститого режиссёра. Люсиль, когда необходимо, «управляет» своим женихом именно с помощью этой, приоткрытой, пикантной части женского тела. И это не единственная спорная мизансцена в спектакле. Конечно, шутками «ниже пояса» проще всего вызвать стыдливые смешки в зале, но от Романа Самгина, окончившего режиссёрский факультет РАТИ в мастерской Марка Захарова и являющегося одним из учеников Петра Фоменко, как-то ждёшь более изысканных сценических решений, хотя бы подобных уже упомянутому «турецкому» действию. Из более-менее удачных режиссёрских находок упомяну также сцену диалога Журдена с учителем философии, когда последний, объясняя значение различных гуманитарных наук, одновременно играет с собеседником в напёрстки или в карточное «очко». Большинство же находок вызвали у меня, мягко говоря, недоумение. Для учителя фехтования выбран почему-то образ японского самурая с битой в руке (намёк на 1990-е?), а маркиза Доримена с графом Дорантом постоянно пытаются прилечь в самых неожиданных местах – на накрытом яствами столе или же совсем просто, без затей, на полу авансцены.

Наверное, я слишком строга к режиссёру: публике спектакль понравился. Зрители несколько раз вызывали актёров на поклон, дарили цветы. Всё, как положено. Жаль только, что в зале были подростки. Пусть бы они приобщались к театральному искусству посредством более высоких образцов, без пошловатых шуток на грани (а иногда и за гранью) хорошего вкуса.